

Д. А. Салькова

**ДИНАМИКА РЕАЛИЗАЦИИ СМЫСЛА В СИНТАКСИСЕ
И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СМЕЩЕНИЯ
НА ПЕРИФЕРИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ**

10

На материале немецких придаточных предложений описывается явление концептуального смещения, что создает само поле – ядро и все более отдаляющуюся периферию. В ней многозначность синтаксических единиц сменяется совмещением значений и концептов, в оптимальных условиях прототипически противопоставленных. Создается наложение полей друг на друга. Огромную роль при этом играет лексика.

This article deals with the process of conceptual shift that creates a syntactic field with its nucleus and periphery. In the latter the superposition of prototypically opposed meanings and concepts substitutes for the polysemy of syntactic units, thus resulting in the overlap of syntactic fields. In this process vocabulary is of great importance.

Ключевые слова: двухуровневая семантика, концептуальное смещение, семантическая модель, когнитивные точки референции, минимальная текстовая единица, динамика расширения поля, совмещение значений, концептосфера минимальных текстовых единиц.

Понятие *концептуального смещения* возникло в когнитивной лингвистике в процессе разработки концепции двух уровней семантики, у М. Бирвиша и Э. Ланга это понятия *поверхностной – языковой семантики* и *глубинной – концептуальной*. Феномен концептуального смещения (*konzeptuelle Verschiebung*) М. Бирвиш постулирует как глубинный коррелят для явления языковой многозначности [1, с. 61 – 99]. Задача концептуального, глубинного уровня, по Бирвишу, заключается в том, чтобы концептуально *специфицировать* соответствующее знание фактов и правил и вызвать те или иные инференции через заданную семантическую структуру, обращаясь к соответствующей ситуации высказывания. Инференции должны поддержать концептуальную спецификацию и включение в сети семантических структур, чтобы тем самым прийти к конкретному значению высказывания.

В данной работе речь идет о *синтаксической многозначности*, или *синтаксической омонимии* (при разработке этой темы в свое время задача их разграничения не ставилась). Тему синтаксической омонимии/многозначности ввел в лингвистику Н. Хомский; однако очень быстро терминология сменилась в связи с коррекцией оценки «многозначность» на *ambiguity – 'двусмысленность, диффузия'*, так как в анализируемых случаях типа *старые мужчины и женщины* (пример Хомского) речь шла о

несоблюдении условий формирования контекста, который должен снимать многозначность в тексте. В свое время мы уточняли, что многозначность существует в системе [2, с. 6].

Явление многозначности мы связываем с феноменом синтаксических структурных моделей, а в вопросе синтаксического значения для нас отправной точкой является тезис дихотомии синтактико-семантических данностей (впервые этот вопрос был рассмотрен в нашей лингвистике Е.И. Шендельс), а именно постулирование противопоставления *смысла* и *семантической модели*. Под смыслом мы подразумеваем содержание дискурса, который стоит за текстом, семантическую модель мы, вслед за М. Риффатером и О.И. Москальской, понимаем как стереотип структурирования этого содержания.

Над проблемой смысла уже несколько десятилетий работает прагматическая и когнитивная лингвистика. Семантическая модель, по нашему мнению, один из ингредиентов смысла. Это факт категоризации множественности членения языковой действительности, некий метаяуровень. Фактически категория семантической модели как формат знания самого высокого уровня абстракции смыкается с понятием основных, базовых концептов, т.е. проблема смысла и значения в синтаксисе пересекается с проблемой поверхностной и глубинной семантики. Категория семантической модели оценивается при этом так же, как в когнитивном анализе уже давно оцениваются в качестве базовых синтаксических концептов семантические падежи Ч. Филлмора, или семантические предикаты.

Смысл создается в результате непрерывности речемыслительной деятельности в процессе коммуникации, on-line. В этом процессе меняются и семантические модели. Наблюдения показывают, что это движение, динамика обусловлена также тем, что синтаксическая семантическая модель предстает как результат интеграции в нечто семантически целостное не только значений союзов, но и значений наиболее частотных единиц лексического наполнения [3], своего рода *ключевых слов*. Например, значение равного сравнения немецких придаточных предложений маркировано и конституируется не только союзом *wie*, но и идентичностью концептов, выраженных одинаковой или синонимичной лексикой: *Wir flogen, wie man sonst in solchen Höhen fliegt*. Или неравное сравнение конституируется и союзом *als*, и компаративом или его лексическими синонимами. Эта оценка смыкается с мнением В.З. Демьянкова, что настоящая семантическая разработка синтаксиса началась с преодоления *морфологизма* в этой теме и утверждения теорией Ч. Филлмора роли лексического компонента.

Примеры подобного рода позволяют говорить о перцептивном уровне восприятия и для синтаксиса, хотя и опосредованном. Семантические модели синтаксических конструкций могут и непосредственно соотноситься с *перцептуально воспринимаемыми объектами* окружающей действительности. Мы имеем ввиду, например, придаточные предложения, именуемые нами вслед за французской традицией *предметными* [3, с. 61–62], т.е. придаточные типа: *Dass sie dieses Angebot gemacht hat, freut mich*. Придаточные такого рода часто не дескрипции слова, а пер-

вый этап процесса номинации: они вычлняют нечто в окружающей действительности, чему еще нет имени или что по каким-либо соображениям не называется.

Изменение семантики лексического наполнения, нередко в своем роде градуированное, приводит к концептуальному смещению. Так, если наполнение временного придаточного предложения с союзом *bis* выражает какое-то состояние как результат события, представленного в контексте, оно становится в определенной степени репрезентантом концепта следствия и как бы устраняет границу между концептами времени и следствия, интегрирует концепты. Такую лексику можно вслед за Э. Рош расценивать как *когнитивные точки референции*.

12

Мы предпринимаем попытку описать явление концептуального смещения и параллельные синтактико-семантические процессы на материале семантических полей в немецком синтаксисе. В плане того же видения семантики в тему семантического поля и концептуального смещения мы вводим и тему *концептуального поля* как возвращение в проблематику семантического поля исходного тезиса Й. Трира о *понятийных полях* – основе полей в языке. Семантические поля при этом представляются как нечто интуитивно понятное носителю языка и обладающее для него психологической реальностью.

В лингвистике с термином *синтаксическое поле* связывались различные множества. Мы исследуем семантические поля, которые в поверхностном синтаксисе образуются придаточными предложениями и на вертикальном уровне (схема представления поля Е.В. Гульги и Е.И. Шендельс [4]) их функциональными эквивалентами. На горизонтальном уровне описываемые поля создаются ассоциативными связями между определенными конструкциями. То есть эти множества образуются на пересечении явлений синтаксической синонимии и синтаксической многозначности.

Список конститuant вертикального среза достаточно большой. В этот список кроме общеизвестных, таких, как синонимы придаточных предложений, входят конструкции, спецификация которых возникает в результате выполнения иной коммуникативной, фоновой, функции – чего-то попутно, дополнительно высказанного – например, вводные предложения, конститuantы поля как результат редукции тех или иных придаточных предложений и даже совершенно нерегулярно возникающие, случайные эквиваленты типа *После больницы он очень изменился* (эксплицированные В.Г. Гаком «непрямые» номинализации [5, с. 85–102]). Атрибутивная позиция, а в немецком языке и позиция предикативного атрибута, как процессуально *вторичная* также обладает определенным *системообразующим* потенциалом. Такой же большой потенциал таит в себе специфика словообразовательного значения. Под влиянием этой специфики в конститuantы данных синтактико-семантических полей попадают предложные конструкции, семантика которых и соответствующая концептуализация определяется переключением значения предлога в некоторое *вторичное*, эквивалентное союзам. А сам выбор такой конститuantы репрезентирует языковые возможности креативного подхода к представлению ситуации. В исследуемые

поля входят и функционально эквивалентные придаточным предложениям самостоятельные простые предложения, соотнесенные с некоторыми другими в пределах одной *минимальной текстовой единицы*, прототип которой представлен, по нашему мнению, сложноподчиненным предложением.

Соответственно сами минимальные текстовые единицы оцениваются как репрезентация некоторых дискурсивных событий, с другой стороны, в них определенным образом осуществляется референция отношений между событиями. Ее результаты являют глубинную концептуализацию некоторого минимально самодостаточного дискурсивного события, упорядочивание репрезентируемых ситуаций. Но концептуализация, еще по В. фон Гумбольдту, как *структурирование самой языковой репрезентации*, это и есть суть грамматичности. Отдельные составляющие этого структурирования — некоторые глобальные, базовые, основные концепты и малые концепты, в определении Н. Ю. Шведовой [6, с. 506—510], возникающие, по нашему мнению, в том числе в результате концептуального смещения. Малые концепты дополняют, конкретизируют основные и являют вариацию, создающую поле. При описании полей Е. И. Гулыга и Е. И. Шендельс регистрировали основные концепты как понятийные категории [4, с. 13—15]¹. Мы относим феномен *синтаксических семантических моделей* к обоим типам концептов, регистрируя также явление их иерархичности.

Базовые семантические модели синтаксиса, реализуемые в конструкциях, конститунтах описываемых полей — это некоторые универсальные понятия, постоянно идентифицируемые в лингвистике при интерпретации тех или иных явлений, такие, как причина, следствие, цель и т. д. В нашем случае они получают некоторую синтаксическую спецификацию. Частично они всегда «проходили» при классификации придаточных и сложноподчиненных предложений. Мы считаем, что эти классификации не во всем адекватны и на основании разработанной нами *семантической* классификации придаточных предложений [3] составили некоторый список синтаксических концептов, составляющих особое ментальное пространство — концептосферу минимальных текстовых единиц, базовым репрезентантом которых является сложное предложение. Новыми по отношению к гипотаксису являются семантические модели — *системообразующие концепты предметности, изъяснительности* (термин В. А. Богородицкого), *характеризации (спецификации), оценки, сопутствующего события, присоединительности (добавочной ремы), противопоставления, альтернативности, исключительности (какого-либо события)*.

Динамика синтаксической концептуализации, взаимосвязь смысла и семантической модели, роль поля и поле как результат хорошо прослеживаются на примере процессов на горизонтальном срезе. Так, например, на уровне сравнительных придаточных предложений горизонтальный срез образуют разные по своей структуре, но синонимичные конструкции — придаточные с союзами *wie, als, als ob* и др. Одна-

¹ К этой теме обращались также Й. Трир, Ф. Брюно, И. И. Мещанинова.

ко расширение поля и динамика, центробежное движение осуществляются в значительной степени за счет многозначности этих придаточных предложений и под влиянием многозначности — параллельного изменения характеристик базовых концептов. Конструкции с союзом и относительным местоимением *wie*, например, могут кроме концепта идентичности сравнения представлять концепты времени, изъяснительности, спецификации, попутной ремарки: *Und wie er winkt mit dem Finger, auf tut sich der weite Zwinger; Nun fragte ich ihn, wie er sich einen solchen Menschen vorstellt; Auf dem Fluss kennt man sich, wie man sich in einer Straße kennt.* Каждая из названных моделей относится к иному полю. Но именно многозначность создает движение между этими различными полями. Образуется цепочка постепенных переходов, можно сказать, малых концептов, так что в конкретных реализациях концептуализация не очерчена четко, возникает впечатление некоторой семантической аморфности: *Wie er da stand, etwas über die Reling gebeugt, war um ihn Ruhe.* Или разные, обычно противопоставленные семантические модели начинают накладываться друг на друга, интегрировать свои характеристики: *Es wurde ihm warm, wie er sie so sitzen sah* — изъяснительность, характеристика, причина. Некоторые концепты регулярно устраняют свою противопоставленность, как, например, концепты следствия и цели: *Dass er wieder fortgehen musste, damit dies alles so bliebe* — цель, причина, следствие; *Wo nicht rücksichtslos das Recht des Stärkeren gilt, kommt jeder zum Zug, ohne Stress und ohne Verlierer* — локальность, оценка, причина; *In seinem Gesicht war nur die leise Sicherheit derjenigen zu lesen, die im Schutz der Sieger standen* — спецификация, причина. Уже эти примеры показывают, что особенно часто совмещается с другими концептами концепт причины, так что мнение З. Вендлера, что этот концепт выступает как один из самых определяющих [7], подтверждается и на нашем материале.

В подобных случаях конструкции принадлежат одновременно нескольким полям, границ полей, как об этом писал еще Трир, не существует. Как нечто непрерывное предстает и описываемая концептосфера. В нее мы включаем не только конститuenty указанных семантических и концептуальных полей, но и некоторые смыслы концептуального окружения, необходимые для репрезентации этих концептов. Они играют большую роль в синтаксической концептуализации. Закономерно представленные «индикаторы» концептов в концептуальном окружении являются, по нашему мнению, такими же обязательными конститuentами исследуемой концептосферы, как и сами синтаксически представленные концепты. Их «соприсутствие», *Kontiguität* — оценка В. Шиндлера для описываемых фактов [8] — регулярно. На сложных предложениях и на «неотмеченных» соположенных самостоятельных предложениях мы регистрируем регулярные совместные встречаемости, например, достаточность чего-либо (например, средств, усилий) — обязательный контекст концепта следствия, необходимость чего-либо, ориентация на использование объекта — концептуальный контекст цели. Концепт причины обязательно сопровождает репрезентацию эмоций, сообщение о чем-либо исключительном, необычном, ужасном.

Видимо, такова психологическая потребность соответствующей коммуникации. Закономерности такого сопричастия эксплицируют нашу внутреннюю логику оценки ситуаций. Она при коммуникации срабатывает почти автоматически.

Но нередки тексты, где совмещаются и конститuentы обязательных или частотных концептуальных окружений. Так, лексические единицы типа глаголов *mutmaßen*, *vermuten*, существительных *Version*, т.е. лексем с интенциональным (термин Н.Д. Арутюновой) значением введения речи, но и с коннотацией персуазивности совмещают концепты изъяснительности и ирреальности, сомнения: *Die BND – Leute mutmaßen, dass die Nachricht ungelegen kam*. И наоборот, инициация концепта «версия», который должен был бы придать компонент недоверности концепту изъяснительности, нейтрализуется лексемами, подтверждающими реальность сообщаемого: *Dutzende anderer Aktenstücke stützen die Version, dass es tn der bleiernen Zeit des „Deutschen Herbstes“ und zuvor Lauschoperationen gegen RAF – Terroristen gab*.

Описываемая концептосфера предстает как некоторое множество системно соотносительных концептуальных полей, центры которых в оптимально реализованных условиях четко противостоят друг другу, но и как широкая «серая» зона – переходы от одного поля к другому и их совмещение. Огромную роль при этом играет выбор лексики, который и создает динамику, благодаря такой вариативности противопоставление смысла и синтаксического значения нивелируется. Но и вместе с зонами неясности, в создании которых задействован также принцип выдвигания на роль фигуры или перевод в неактуализуемый фон, эта концептосфера предстает как нечто целостное и самодостаточное.

Список литературы

1. Bierwisch M. Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten // R. Ruzicka, W. Motsch (Hrsg.). Untersuchungen zur Semantik. Berlin, 1983. S. 61–99.
2. Салькова Д.А. Некоторые вопросы омонимии и многозначности синтаксических конструкций: дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
3. Салькова Д.А. Синтаксические поля и семантическое моделирование. Л., 1983.
4. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
5. Гак В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М., 1976, С. 85–102.
6. Шведова Н.Ю. К определению концепта как предмета языкознания // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. М., 2006, С. 506–510.
7. Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 28. Логический анализ естественного языка. М., 1986, С. 264–276.
8. Schindler W. Konzept und Kontiguitätsfeld: ein Beitrag zur linguistischen Beschreibung kognitiver Strukturen und ihrer Rolle bei der Produktion und Verarbeitung von Texten // Mannheimer Studien zur Linguistik. Bd. 8. Frankfurt am/M, 1988.

Об авторе

Д. А. Салькова – канд. филол. наук, проф., РГУ им. И. Канта.